

литературы новый способ проникнуть в лабораторию ораторских произведений конца XVII и первой половины XVIII в.

Внимание и симпатии выговцев к люллианству могли поддерживаться и тем обстоятельством, что Люллий «многая гонения страдал, но царскими заступами, наипаче всех Филиппа короля французского оберегаем быть». ⁷³ Не так ли, как выговцы, которые, будучи гонимы господствующей церковью, старались заручиться покровительством Петра?

Предисловие к «Великой науке» сулило легкое и быстрое овладение «дивной мудростью». ⁷⁴ А это было особенно важно, потому что для выговцев были закрыты двери и Киевской, и Московской академии. Вот почему их и манили к себе рассказы о некоей Люллианской академии, которая соперничает с академией Аристотеля и Петра Рамуса.

В рассмотренной нами «Риторике Люллия» имеется интересное отступление, посвященное этим трем академиям. ⁷⁵ Здесь говорится, что «хвалы достойна Академия Маиорикана, которая от двух сект в нынешнем веку славных, от Аристотеля и Рама отступивши, последует во учении третия секты академицкой воздвижителю, творцу и наставнику своему, великому и предивному и просвещенному учителю, — тако Раймунда Люллия, философа и богослова мудрого, цари гишпанский и французски в грамотах своих нарицают». И дальше:

«Слышу издалека, яко много шумов, громов, ветров, волнов от оберегателей Аристотеля подвизаются на истинную науку Раймунда Люллия, но он сам от себя умел всем ответ давати, мудрыми выводами своими, аще не тако гордо, яко на тие вторые секты философской основатель, иже в столичном графе французском в Парижу в Сарбонской академии дерзнул всех философов на себя возбудити, разославши по всем академиям конклюзию или письмо таковое: „вся, яже писал и поучал Аристотель, ложь есть“. Заострился на таковую смелость и поругания Аристотеля учителя своего все академии, но егда весь день сами искуснейшие философов споряся с ним вси побеждени были и ниже одной вещи не могли довести с Аристотеля, что бы истинную науку умела, удивившася неслыханной мудрости Рама мудреца помянутого. И мнози пристали к нему, и завел новую академию Аристотеля сопротивную, от имени своего нареченную, и ныне во многих царствах обретается, аще расти и пространяться ей не попускают Аристотеля ученики, но и паче иже Рамус скоро опосле преставился и ученики его разума учителя своего не достигли. Аще же нецы спор равный поставити могут, не имеют такового дерзновения для ради множества сильных и небезопасных противников своих».

⁷³ См. предисловие к «Великой науке».

⁷⁴ «Петр Дагвин Медиат и Иаков Ануарий [Januarius] во всей италянкой земли славные мудрецы, от которых первый в 37 лет от рождения своего читати токмо выучился, семь токмо месяцев во учении сем прилежно упражняющийся у всех высокоученых со удивлением почтен есть, яко многие книги творения его изъявляют. Дивнейша вещь в другом была, иже в 70 лет начавше учиться тою наукою в кратком времени сверстался с высокоучеными. Фердинанд Кордуба [Corduba] гишпан, славный во многих землях мудрец, тою наукою прославился. Раймундус Сабунде, творец книги богословия естественныя и созданию твари описатель, в писмах своих объявил, сколь великую пользу от сей науки принял. Иаков Фабер и Король Бовиллий [Carolus Bovillus] в Парижи преславныи учителя сею наукою величались. Немецкия земли три брата Андрей, Петр, Иаков Контерове [Canterii] с сестрою своею десятилетнею сею наукою тако мир удивили, иже не токмо немецкая земля, но и вся Франция и Италия и Рим по сей день удивляются им» (ГБЛ, Муз. 2867, лл. 1 об.—2). Ср. посвящение L. Zetzner'a (в R. Lullii Opera quae ad... artem universalem... pertinent, Argentorati, 1651), которое, однако, не содержит некоторых подробностей русского текста и, по видимому, основано на общем с ним источнике.

⁷⁵ ГБЛ., Муз. 205, лл. 197 об.—199 (кн. 3, беседа о 2-й форме риторической, гл. 5).